

Алина Муталова

Тихий кабинет и четыре зеркала

Алина Муталова

Тихий кабинет и четыре зеркала

«Автор»

2026

Муталова А. Р.

Тихий кабинет и четыре зеркала / А. Р. Муталова — «Автор»,
2026

рассказ о моей работе психологом в сельской местности. как она справлялась с
новым ролям.

© Муталова А. Р., 2026

© Автор, 2026

Алина Муталова

Тихий кабинет и четыре зеркала

Глава 1

Тихий кабинет и четыре зеркала.

Я начала работать психологом в районном клубе для детей и подростков. На первый взгляд, работа казалась непыльной — бумажная рутина не душила, оставляя после себя гулкую пустоту свободного времени. В этой тишине было что-то тревожное. Однажды я осталась в кабинете совершенно одна: коллеги разлетелись кто в отпуск, кто на больничный. Пространство давило так сильно, что меня накрыла вязкая, глухая депрессия. Я была на грани срыва от собственного одиночества. Как же я справлялась с ним раньше? Теперь удивляюсь сама себе, ведь рядом с людьми мне всегда становилось легче лишь тогда, когда я укрывала их своим собственным негативом. Не знаю, откуда во мне эта глубокая отчужденность от общества.

Поначалу всё искрилось новизной. Новые лица, интересные встречи, шумные праздники, которые мы организовывали сами. Выезды в неблагополучные семьи шекотали нервы и давали чувство реальной миссии. Как психолог, я начинала с консультаций по видеосвязи — это был мой тихий полигон, безопасное обучение ремеслу. Постепенно голос перестал дрожать, слова стали находить правильные интонации. Затем начались живые беседы с подростками, диагностика, первые успехи. Это был новый опыт работы в настоящем офисе, а не в свободном графике «сутки через двое», к которому я привыкла. Мне нравилась каждая минута этого погружения.

Но иллюзия рассеялась быстро. Люди в сельской местности не особо доверяют нашей профессии. Здесь до сих пор силен стойкий стереотип: психолог лечит «психов», и над такими специалистами принято посмеиваться. Народ у нас простой, недоверчивый к тому, чего не понимает. Работы почти не было, и я превратилась в наблюдателя. Делала практики, смотрела за людьми, изучала своих коллег. Нас было четверо, и все — женщины.

Первой стала Авдья Павловна, социальный педагог лет пятидесяти. Женщина редкой, благородной красоты, которая с годами только отточилась. Опытная, мягкая, она притягивала своей житейской мудростью. С ней было невероятно интересно разговаривать часами — о религии, о смысле бытия, о причудливых узорах человеческого поведения. Она чем-то неуловимо напоминала мне саму себя, отраженную в кривом зеркале судьбы. Оказалось, её муж походил на моего — такой же ревнивый собственник, державший её на коротком поводке. Тяжелый человек. Ей это претило, но она терпела и жила дальше, повторяя, что одной выжить слишком трудно. Типичная женщина советского воспитания, принявшая свой крест как единственно возможный путь.

Второй была Анастасия Николаевна, около тридцати. Поначалу она мне категорически не понравилась: маленькая, суетливая, черты лица казались мне невыразительными. Но однажды я увидела её старую фотографию в социальной сети — с профессиональным макияжем, окрашенную в пепельный блонд. Я не поверила своим глазам. Настоящая красавица, улыбка которой могла бы освещать улицы. В тот образ я невольно влюбилась.

Увы, живая Настя оказалась совсем другой — беспокойной, нервной натурой. Свои истории она рассказывала крикливо, эмоционально жестикулируя, что особенно меня раздражало. Когда её оставили исполняющей обязанности директора, она впала в настоящую истерику, плакала навзрыд. Утверждала, что никогда не сможет быть руководителем по определению, потому что она слишком мягкая, и кресло начальника просто раздавит её. И тут же, без пере-

хода, заявляла, что у неё идеальная психика и нет ни единой детской травмы. Я слушала это с горькой усмешкой: такого не бывает. Если бы у неё действительно всё было хорошо, она бы не сидела здесь, изо дня в день жалуясь на мужа и опостылевшую работу. Вечно недовольная тень.

Однажды я попыталась заговорить с ней об этом прямо: если тебе не нравится твоя реальность, нужно просто создать другую, ту, в которой ты будешь счастлива. Но она отказалась слушать эту концепцию наотрез, замкнувшись в глухой обороне. Я сделала вывод: ей нравится упиваться этим страданием. А вот Авдье Павловне моя мысль пришлась по душе. «Давай, — рассмеялась она, — создай нам реальность, где мы будем получать зарплату в четырехкратном размере. Вот тогда мы точно станем счастливы». Ведь правда, подумалось мне, чаще всего мы несчастны исключительно от отсутствия денег.

А вот наш директор, Полина Дмитриевна. Тридцать лет, любящая семья, дети. Она сразу мне приглянулась: высокая, статная, с широкими славянскими чертами лица. Красивая той естественной красотой, которой не нужен макияж. Всегда приветливая со мной лично. Но стоило у неё случиться плохому настроению, как оно ядовитым облаком выплескивалось на окружающих. В такие моменты я научилась молчать и не переспрашивать, что стряслось — она только и ждала возможности излить раздражение. Своенравная, колючая. Про себя она говорила, что у неё «плохая энергетика».

Я часто наблюдала за ними издали, стараясь не вовлекаться в бесконечные обсуждения. Женский коллектив жил по законам серпентария: они постоянно говорили друг о друге за спиной. Я слышала разговоры Анастасии Николаевны с Авдеей Павловной о нашем директоре. Каждая из них хотела уволиться, воздух в кабинете гудел от напряжения. Им здесь не нравилось всё: люди, задачи, копеечная зарплата. «Мы много работаем, нас здесь не ценят», — этот рефрен звучал бесконечно. Вечные бабские разговоры, сплетни вместо поддержки.

Как только я переступила порог клуба, меня окружили только женщины. Сначала это тяготило, но потом я начала видеть их иначе. Они вовсе не негативные, поняла я внезапно. Просто чудовищно, оглушительно эмоциональные. Им нужно лишь выговориться, выплеснуть яд или радость — и через пять минут они уже всё забыли, снова светятся изнутри. На женщин приятно смотреть в любом возрасте. От них хорошо пахнет духами и домашней выпечкой, они открыты миру. В них — какое-то первобытное спасение. Удивительные существа. Мужчины без нас могли бы выживать, но жить — вряд ли. Какое же это счастье — оказаться внутри этого женского улья, пусть даже он иногда и больно жалит.